

ОНТОЛОГИЯ: БЫТИЕ И НЕБЫТИЕ

И.А. Недугова

СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ДИССИПАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматриваются диссипативные процессы культуры. Автором представлен концепт диссипативной культуры, пограничного и иллюзорного сознания. Влияние культурной динамики на сознание определяется автором как детерминационные процессы. Основной задачей статьи является рассмотрение вопроса о том, на основании каких процессов происходит расхождение картины сознания с реальностью. В работе представлен механизм рефлексии над иллюзорным сознанием как учетывание иерархии предметных уровней бытия.

Ключевые слова: философия, сознание, культура, диссипатия, предметность, пограничность, отрицание, кризисность, самосознание, рефлексия.

Важнейшим вопросом является определение изменений системы культуры и сознания. Культура не существует сама по себе без сознания. Проблема культурных изменений представляется не как существование культурной системы, а как процесс сознательно-производственного. Процессы, влияющие на изменение поля культуры, порождают проблему роста искаженного, пограничного сознания.

Методологические основы пограничного сознания рассматриваются в русле философских, культурологических, а чаще психологических и исторических направлений. Пограничное сознание представляется как «неочевидность границ» (В. Багно); «пограничность текста» между литературой и фольклором (Г.С. Лебедева, И. Дворкина, К.С. Корконосенко, А.М. Грачева); «граница сна и яви» (Е. Обатнина, М.Ю. Коренева); отражение в сознании периодов переходных эпох в истории (К. Кантор, Т.Н. Красавченко, Е.Д. Гальцова, Е. Берар и др.); «изменения сознания, связанные с пограничными расстройками психики»¹.

Исходя из анализа философских, культурологических и исторических подходов к рассмотрению пограничного сознания, мы определяем, что по-граничное сознание — это состояние нерелексивности сознания, обусловленное неравновесными процессами в культуре. Противоречивость влияния культуры как предметного поля и сознания, прежде всего, оказывается вопросом онтологическим.

Изменчивость, которой обладает культура, и отражение этих процессов в сознании, требует серьезного изучения.

Культура возникает как предметность. Человеку онтологически необходимы границы (меты), структурирующие бытие. Культура есть предметно определенная сознанием иерархия уровней от вещи к знаку, от знака к символу и, наконец, неопредельному знаку. Мы рождаемся в определенной предметности. Сознание отражает предметные уровни бытия. Окружающий нас предметный мир — это мир человеческой деятельности. Его объективные продукты и формы воплощают в себе и кристаллизуют общественно развитые способности и силы человека.

Проблема, которая будет рассмотрена в данной статье — это процессы изменения культуры, приводящие к феномену рассеивания предметной структуры бытия человека. Ни одна система не может существовать, достигнув равновесия, культура не исключение. Динамика культуры предполагает колебания от стадии сжатия к стадии растяжения, влияющие на формирование пограничного состояния сознания.

Сознание предметно определено. Процесс опредмечивания-распредмечивания — это процесс выстраивания и считывания предметных уровней бытия человека. Процесс опредмечивания в свою очередь — это формирование структуры предметности. В ходе опредмечивания возникает акт объективации (Платон), «орудийность» (М. Хайдеггер), «направленность» на предмет (С.Л. Франк), «организованность» (П.А. Флоренский), выстраивание «безотносительного не»

¹ Раен А.А. Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох — типы пограничного сознания. В 2-х частях. М., 2002.

(Г. Гегель). Определенность это «ожидание на-против» (М. Бубер).

Распределенность есть учитывание предметных уровней воспринимаемых во взаимосвязи друг с другом. Пред-мет-ность изначально задана, она есть «конечная форма» (М.К. Мамардашвили), она «захватывает» сознание (Н.А. Бердяев), «пережитое содержание» (Э. Гуссерль).

Но сама система предметноопределенной культуры подвижна. Если некоторые формы духовного производства только отражают изменения в сознании и как следствие в культуре, то другие активно вмешиваются в процесс опредмечивания. Иерархия предметных уровней то сжимается, то расплывается, следуя за движением системы культуры.

Процесс формирования пограничных состояний сознания напрямую зависит от диссипативных процессов культуры. Процесс растяжения системы культуры — это процесс, при котором уровни предметности (вещи, знаки, символы и неопредельные знаки) сближаются, сужая границы предметности. Процесс растяжения — это процесс, при котором каждый предметный уровень содержит в себе переходные формы. Циклы сжатия и растяжения сменяют друг друга.

Сжатие системы культуры приводит к тому, что мышление не имеет возможности осо-знания иерархии предметных уровней бытия. Плоскостная культура формирует «сжатый смысл», упрощенное значение, «невещественную» вещь. Сознание наталкивается на несоответствие предметных уровней бытия и воспринимает их как искаженное изображение, копию без оригинала. В сознании субъекта находят опосредованное отображение не только внешняя объективная реальность, но и внутренняя ему, субъективная реальность. Нарушение целостности единства внешнего и внутреннего (Ч. Тарт)² изменяет направленность перебора предметных уровней не как переход от вещественной идентичности к знаковой, от символической к неопредельной, а как отказ от предметной определенности вообще. Пограничные состояния сознания проявляются как желание «выскочить из сознания или культуры». «Это — отраженное, но не осознанное бытие, в противоположность сознанию как осознанному бытию» может быть, согласно Ч.

Тарту, названо «неявной субъективностью»³. «Неявная субъективность» (пограничное состояние, спровоцированное внешней средой, являющиеся защитной реакцией сознания). Стремительные изменения реальности приводят к лабильности бытия как социального, так и индивидуального, по сути, индивид не успевает пережить происходящее. В сознании не происходит полная интериоризация. Неполная, поверхностная включенность сознания в реальность приводит к недопереживанию, недоосмыслению. Пограничное состояние характеризуется невозможностью найти базис рефлексии, отсутствием возможности «различить, насколько состояние отличается от нормального».

Пограничность проявляется как попытка «выскочить» из культуры или из сознания. В новелле А. Камю «Посторонний» ситуация отрицания доведена до абсурда. Отрицание захватывает не только отрицание культуры как некоего опыта, но уничтожает культуру в себе и себя в культуре, а тем самым взрывает все мосты между Я и Ты, ибо культура есть терпеливое выстраивание этих мостов⁴. Когда возникает пограничность, сознание отрицая, переходит грань, но при этом не отстраняется от предметной иерархии. «Посторонний» — метафора отстраненности героя от культуры и от предметности. Отрицание направлено на «нулевую идентичность», на отказ от распределенности. Пограничность проявляется как проблема соотношения предметных уровней в сознании, в переносе имманентного ощущения кризиса идентичности себя на Другого (Ж. Бодрийяр)⁵ и, наконец, полное отрицание самости. О жажде встречи с Другим Человеком говорят и последние, предсмертные слова Мерсо: «Чтобы все завершилось, чтобы не было мне так одиноко, остается только пожелать, чтобы в день моей казни собралось побольше зрителей — и пусть они встретят меня криками ненависти»⁶.

Человеку необходим образ Другого. Включение во все фундаментальные действия каждого из нас образа деятельности другого как условия и про-

² Charles Tart systems approach to consciousness: Paths beyond ego. M.: Izd Transperson, in-ta, 1996.

³ Charles Tart systems approach to consciousness: Paths beyond ego. M.: Izd Transperson, in-ta, 1996. S. 8.

⁴ Camus A. Works / Translations N. Nemchinov. M.: Prometheus, 1989. 568 p.

⁵ Baudrillard J. Transparency of Evil. / Translation A. Lubarsky, E. Markov. M.: Dobrosvet, 2000.

⁶ Camus A. Works / Translations N. Nemchinov. M., Prometheus, 1989. S. 199.

образа (образца, эталона) отстраняет от нас (и — одновременно — отстраняет: делает «странными», проблемными) наши же собственные способности и усилия. Человек начинает относиться к себе, отличая себя от своей собственной жизнедеятельности, от ее способов, средств, предметов и от самого процесса ее осуществления. Он отличает себя как потенциально способного овладеть любыми способами, средствами, предметами и процессами совместной деятельности. Тем самым человек предстает перед самим собой в качестве силы, находящейся вовне или даже предшествующей любому способу совместной деятельности. Отличие себя от своей собственной жизнедеятельности есть неперемненное условие формирования всех собственно человеческих потребностей и способностей, в т.ч. и способности к целесообразному (осознанному) поведению. Чем сильнее воздействие внешних факторов на личность, тем разнообразнее становятся механизмы адаптации.

Для построения рефлексии над пограничным состоянием сознания необходимо разграничить понятия «отрицание» и «Нетость» (Н.А. Бердяев). Пограничное сознание — это сознание, стоящее на границе, и вследствие этого не «видящее» данную грань, не способное понять, когда грань перейдена. В данном случае проявляется отрицание (как раз в силу неощутимости грани) себя, мира, культуры. Всякое пограничное состояние сознания — это вполне осязаемые количественные и качественные переживания, но отсутствие восприятия грани. Пограничное состояние сознания всегда спровоцировано извне, но есть ощущение внутреннего отрицания (Ж.-П. Сартр). Искусственное стимулирование гипертрофированного образа Другого или напротив проецирование в сознании ситуации «без Другого» приводит к нереплексивной идентичности (Ж. Делёз). Идентичность, отрицающая любую рефлексивность, «слепой переход» в непредметную модель. Не редкость сегодня ситуация, когда сюжеты, изложенные в мистических фильмах, захватывают зрителя настолько, что некоторые из них сами становятся убийцами. Так, посмотрев очередную серию «Хеллоуина» (сериала вышедший в 1998), немецкий подросток взял в руки топор и хладнокровно убил своего соседа. Такое состояние можно определить как состояние пограничности сознания, проявляющееся как отрицание самого себя. Навязчивая идея освобождения («форма собственного уничтожения») трансформируется в освобождение от самого себя, отрицание предметной иерархии бытия.

Барьер психической адаптации динамичен, если еще учесть колебания системы культуры, то механизм адаптации постоянно разрушается и вновь создаются.

Длительное и особенно резкое напряжение функциональной активности барьера психической адаптации приводит, как правило, к его перенапряжению. Это проявляется в виде так называемых преневротических состояний, выражающихся лишь в отдельных и незначительных (наиболее легких) нарушениях (повышенная чувствительность к обычным раздражителям, незначительная тревожная напряженность, беспокойство, элементы заторможенности или суетливости в поведении, бессонница и др.). Они не вызывают изменений, целенаправленности поведения человека и адекватности его аффекта, носят временный и парциальный характер.

Сознание в условиях диссипации культуры выбирает форму отрицания культуры или отрицания сознания.

Отрицание может иметь различные в зависимости от того на какие формы общественного сознания направлено его отрицание и проявляется во всех формах общественного сознания, нигилизм принимает формы аморализма (отрицание морали), атеизма (отрицание религии), правового нигилизма (отрицание права), анархизма (отрицание государства), антиэстетизма (отрицание искусства).

В отличие от классической гегелевской трактовки («отрицания отрицания»), отрицание диссипации культуры носит апофатический образ. Возможно отрицание «своей» культуры в угоду иной культуры. Так, западная культура «ищет» в восточной культуре «истоковые» образы. Зыбкость и противоречивость действительности в постмодернистской концепции мира обусловили особое отношение к пространству и ко времени: они, как правило, дробятся на все более мелкие части. Именно на границах между прошлым, настоящим и будущим, между странами, между культурами, между текстами происходит отрицание через иносказание. Сдвигание времени приводит к ощущению постфакторного отражения реальности. Восточное мировидение также дает основания полагать, что мы живем в мире, больше похожем на сон, чем на явь. Реальность поддается трансформации, и она вовсе не обязательно должна существовать в единственном числе, чем больше реальностей — тем лучше.

Иная, сходная апофатическая тенденция, носящая индивидуальный характер — это «бегство от сознания». «Бегство» сознания от сознания может быть рассмотрено как архаизация культурного поля, как форма отказа от «актуальной» культуры. «Новая архаика» вновь переносит реальность в нереальное поле, сознательное в несознательное, подвластное архаизированным мистичеким формам. С развитием рок-культуры стали обычными на концертах звезд эстрады коллективные вхождения в транс, представляющие собой интереснейший объект исследования для антропологов.

Отрицание может быть через высмеивание (направление неададаизма), а может быть через агрессию или через шок (работы Дэмиана Херста и Э. Уорхала).

Прием отрицание через намеренную юродивость применяется как отрицание хаоса внешнего зеркальным отражением «извне». Герой — дурак как символ проникающего извне во внутрь есть форма отрицание. А. Платонов в «Котловане», «Чевенгуре» Э. Кустурица («Черная кошка, белый кот») вводят элемент неустойчивости, как микрохаус, из которого происходит усложнение среды за счет уничтожения, изъятия запрещенных, нежизнеспособных, форм. Юродивость, карнавальность является игрой символов-джокеров. Карнавальная символика многозначительна и незначаща одновременно. Символ-джокер мерцает, подменяет собой знак и вещь, но отсутствует как форма. Символ-джокер есть «незавершенная еще метаморфоза, в стадии смерти и рождения, роста и становления». Символ-джокер порождает фамильярность, гротескность отстраняет «сдвинутое» бытие из горизонтали обыденного в вертикаль метафизическую.

Э. Кустурица в фильме «Андеграунд» воссоздает атмосферу площадной откровенности и стихийного балагурства, в блеске анекдота живописуя трагедию «неестественной действительности». Отчего трагедия сражающегося народа, обретая черты мифа, предстает трагикомедией исполинского размаха. Смыслом нигилизма в жизни личности и общества является приобщение к глубинным (даже архаическим) пластам человеческого духа и человеческой культуры для того, чтобы современная культура, отбросив старые, выхолощенные формы, получила новый жизненный импульс для своего развития. Архаика принимает формы онтологического мифа, когда люди пребывают как-бы «вне-бытия»: то

ли в подземелье, то ли потустороннем мире, где мертвые живут, а живые никогда не умирают. Это «смеховой» мир, он действительно смешон каждым своим гротескным кварком. И, как нестационарная, хаотичная система, это незримое «подполье», возглавляемое ненасытным и неуловимым Черным, обуславливает взаимопроникновение мира и антимира.

Роман А. Платонова «Чевенгур» повествует о пореволюционном времени, что явится в полифонии голосов, переживших и переосмысливающих революцию, и которые воспроизвел со своего «камертона» Платонов. Гротескные герои и анекдотичные эпизоды и создают «веселую относительность», в которой политическая проблематика пореволюционной эпохи, сохраняя свою остроту и напряженность всех сместившихся противоречий, всего невероятного ужаса «Обезвопала», утрачивает свою «одностороннюю и ограниченную серьезность». Сплетенное единство гротескных фигур, втянутых в зону фамильярного контакта, предстает как некая «слитная плюральность», спрессованная чистым коммунизмом («Что ты их, слюнями склеиваешь иль одной диктатурой слепил» (А. Платонов)⁷. Отчаянные герои «Чевенгура» — свидетели не только мировой ломки, но и преобразования мира. Карнавализованное сознание художника, допуская элементы «низкого», обнаруживая абсурд и гротеск, начинает «отстранять» «сдвинутое» бытие из горизонтали «обыденного» в вертикаль «метафизическую». Платонов спешил передать бумаге весь творящийся абсурд перепаханной идеей бытия, трагикомедию пустопорожней идеи, охватившей сознание большинства. И если он и прибегал к героям-дуракам, то только оттого, что такие фигуры не требовали морализаторского обрамления, так как несли в себе и осмеяние и осуждение действительности, являясь, солью народной смеховой традиции.

Сходный прием использует Т. Толстая в романе «Кысь», вводя архаические формы лингвистики, сказочные формы, создает комический эффект гротескного произведения, антиутопии. Она рисует мир сжатия (в буквальном смысле город-таблетка), в котором весь пред-мет-ный мир заменен словом. Герои романа «заколдованы» этими знакам, все, что их окружает это только знаки. И в этом «скоморошьем» царстве-государстве правит отщепенческий язык, который сплетает просторечия с переименованными словами: герои как бы

⁷ Платонов А.П. Чевенгур. М., 1997. С. 427.

играют с языком, а значит и смыслами, происходит морфемная перелицовка словаря. В направлении неодадаизма язык всегда искажает, уродует, высмеивает. Образец лениниады наодадаизма улыбающийся вождь подбрасывает смеющуюся маленькую девочку на обложке «Лолиты» Набокова. И. Лакан дает название этой функции языка не обозначать, а наоборот запутывать, подменять, играть — *ляляязык*⁸. Жан-Жак Лессекль определил это явление как «остаток» — нечто такое, что не только не подчиняется контролю говорящего, но также и научному изучению» (*la langue c ang.* — язык, как правило, употребляется в контексте)⁹. Та область, в которой язык и ляляязык сталкиваются друг с другом, область, в которой действует запрет, это — *речь*. Ляляязык, таким образом, снимает ответственность через детскость, является актом отрицания, он одновременно принадлежит языку и находится вне его, под запретом¹⁰. И. Лакан отмечает, что язык — это и результат исключения из ляляязыка, и источник его формирования¹¹.

Новым явлением в отечественной культуре является «от-игрывание» прошлого. *Бес-цензурность* как одновременно отсутствие ценности и мелкое «бесовство» (Ф. Сологуб). Направление неодадаизм, зародившееся на Западе в 60-е годы получило распространение и в России, приобретая черты «возврата прошлого», «совкового китча». Например, обыгрывание названия главной советской газеты «ПРАВ ДАДА» («дада» с фр. — котенок, иногда лошадка — И.Н.). Либо вообще воплощается в вещественно-символическую форму: памятник Ленину с орденом Ленина вместо головы «ни земле ни Небу»¹².

Отрицание может принимать форму детского «невроза». З. Фрейд в работе «Будущее одной иллюзии» говорит об отрицании как о черте детского сознания, которое зависит от мощных чуждых сил (матери и отца); вырастая, человек начинает проецировать родительские черты на чуждые силы внешнего мира, с которыми ему приходится сталкиваться — в этом З. Фрейд определяет невроз

как о факторе отчуждения от действительности, утраты реальности¹³.

Особая форма отрицания это проявление обратных связей. Когда коллективное, системное взаимодействие элементов приводит к тому, что те или иные движения составляющих подавляются, следует говорить о наличии отрицательных обратных связей. Собственно говоря, именно отрицательные обратные связи и создают системы, как устойчивые, консервативные, стабильные объединения элементов. Однако когда система уходит от равновесия, доминирующую роль начинают играть положительные обратные связи, которые не подавляют, а наоборот — усиливают индивидуальные движения составляющих.

Таким образом, диссипативность системы — процессы, основанные на рассеивании. В системе культуры возникновение диссипативных структур носит пороговый характер. Новая структура всегда является результатом раскрытия неустойчивости в результате флуктуаций. Сознание как существующее в состоянии производства и потребления предметного поля структура диссипатию воспринимает как нарушение законов существования системы. Каждый акт диссипации — это акт отрицания, но не однолентного.

Редуцированная рефлексия, перепутывание предметных уровней вызывает сужение сознания, проявляющимся сосредоточением на ограниченном круге эмоционально окрашенных представлений; повышенным порогом восприятий; возможностью полной и точной ориентировки в месте и времени только после сосредоточения внимания; ощущением изменения течения времени; психической и эмоциональной напряженностью: переживаниями страха, тревоги, испуга, иногда — с «выключением» из сознания других событий; неустойчивостью контроля над эмоциональными реакциями, влияющими на рассудочную деятельность; при отсутствии полной информации — интерпретационные моменты; доминирующие идеи; активация процессов воображения; персонификация неодушевленных предметов и животных; изменение двигательной активности, эмоционально обусловленные изменения памяти и др.

Изменения в личности, связанные с резко полярной идентификацией, расстройством целостности сознания определяются как психические болезни, психозы (Э. Крепелин), психастения, истерия, неврастения, нераспознанная шизофре-

⁸ Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М.: Гнозис/Логос, 1998. С. 137.

⁹ Ионеску Э. Злоупотребление языком // Фигаро, 31 августа — 1 сентября 1976 г. С. 66.

¹⁰ Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М.: Гнозис/Логос, 1998. С. 11.

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Салецл Р. (Из)вращения любви и ненависти / Пер. с англ. Виктор Мазин. М., 1999.

¹³ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989.

ния (Е. Блейлер). Однако в условиях диссипации культуры увлечение фэнтези, ролевыми играми (вообще игромания), рост несдержанной агрессии так же является примером двойственной идентификацией, т.е. обладает чертами сознания пограничного.

Само пограничное сознание базис рефлексии обнаружить не может, так как пограничность определена внешним воздействием, но проявляется во внутреннем отрицании самого сознания. Иногда сознание пристально смотрит в себя по средствам знака или символа, но для такой рефлексии необходимо особое состояние. Рефлексия над пограничным состоянием сознанием — это все отрешённость. У Ж.-П. Сартра в «Тошноте» такое «выглядывание» сознания в бытие раскрывается в финальной сцене. Песня, которую поет негритянка, есть «ключ» к неопредельному знаку. «Она поет. И вот уже двое спасены — еврей и негритянка. <...>. Я чувствую, как что-то робко касается меня, и боюсь шевельнуться, чтобы это не спугнуть. Что-то, что мне незнакомо уже давно, — что-то похожее на радость. Отсюда следует, что и само бытие необходимо есть некоторая ктойность или чтойность, им соотносительно¹⁴.

Иллюзия свободы художника представить все, что возможно в качестве творчества есть лишь подмена одного предметного уровня другим. Свободы не существует, это коммерциализация деятельности. Ж. Бодрийяр считает, что быть свободным в обществе потребления на самом деле означает лишь свободно проецировать желания на произведенные товары и впадать в успокоительную регрессию в вещи. Нет индивидуальных желаний и потребностей, есть машина производства желаний, заставляющая наслаждаться, эксплуатирующая наши центры наслаждения. В самом акте потребления, в волшебстве покупки совершается, по Ж. Бодрийяру, бессознательное и управляемое принятие всей социальной системы норм. Следовать такой стратегии требует постмодерный мир, который Ж. Бодрийяр характеризует как состояние после оргии. «Оргия закончена, все уже сбылось, все силы — политические, сексуальные, производственные — освобождены, утопии реализованы, теперь остается лишь лицедействовать и симулировать оригиастические судороги, бесконечно воспроизводить идеалы, ценности,

фантазмы, делая вид, что этого еще не было»¹⁵. Все, что освобождено, неизбежно начинает бесконечно размножаться, мутирует в процессе частичного распада и рассеивания. Идеи и ценности — такие, как прогресс, богатство, демократия — утрачивают свой смысл, но их воспроизводство продолжается и становится все более совершенным. Они расползаются по миру как метастазы опухоли и проникают всюду, просачиваясь друг в друга. Секс, политика, экономика, спорт и так далее теперь присутствуют везде, и значит, нигде. Политика сексуальна, бизнес — это спорт, экономика неотличима от политики, и так далее. Ценности более невозможно идентифицировать. Культура стала транскультурой, политика — трансполитикой, сексуальность — транссексуальностью, экономика — трансэкономикой. Диссипация растяжения культурного поля порождает только постоянную иллюзию присутствия, иллюзию доступности всем и каждому.

Кризис проявляется в том, что зависимость от внешнего явления или предмета приводит к сужению самодостаточности, индивид склонен видеть возможность реализоваться только на основании полученных внешних стимулов. В таком сознании формируется устойчивое представление, что только обладание вещью дает возможность быть или считаться человеком. Следовательно, такое сознание вследствие частности и неадекватности осознания себя может быть определено как иллюзорное. Зависимость от одной предметной стороны сужает горизонт выбора.

Предметность формируется не сама по себе, но для сознания и в рамках культуры. Когда сознание есть и нормально функционирует, оно незаметно. Оно есть для меня, когда его в некотором смысле нет. И только тогда о присутствии сознания, ориентированного на знание, можно догадаться по определенным признакам на уровне явлений, которые свидетельствуют о его нехватке, ненормальности и т.д. Например, когда под вопросом оказывается осмысленность, адекватность поступков, прилагаемых к обстоятельствам, целеустремленность в линии поведения, убежденность и настойчивость в осуществлении намерений, умение их объяснить и аргументировать ссылкой на известные факты и положение дел, и тому подобное. Подобие перечисленных явлений и, возможно, других обусловлено тем обстоятельством, что они размещаются в

¹⁴ Sartre J.P. Selected works / Ed. with fr. V.P. Gaydamak, introd. Art. S.N. Zenkin. M.: Republic, 1994. P. 77.

¹⁵ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Перевод Л. Любарской, Е. Марковской. М.: Добросвет, 2000. С. 103.

одном «поле видения». Но выделение смыслового назначения и наделением смыслом — суть различные процессы. С момента осознанного преобразования человек в большей степени наделяет смыслом тот или иной предмет, при этом деятельность человека определена орудием. Само по себе *о* — *пределывание* (указание пределов) во многом задано самой вещью. Прежде всего, многовековой обыденный опыт, оперирующий с отдельными выделенными предметами, вещами из окружающего мира, привычно подсказывает аналогичное действие уже с представлениями о вещах. Первичный порядок покоится на непосредственной близости «вещей», на ближайшем сходстве и различии как предметов в поле деятельности, в сфере видимости, так и, по аналогии с ними, представлений в точке зрения, умозаключении (в данном случае силлогизм). Сохраненные в памяти повторяющиеся действия — события дают возможность закрепиться на островке узнаваемости и стабильности. Все новое и неизвестное, попадающее в поле видения и умозрения, становится таковым лишь после некоторой процедуры сверки с уже известным. Несмотря на то, что действие перемещается в поле умозаключения, то есть в область понятийного уровня познания (по отношению к ним сохраняется усвоенный принцип или нечто по аналогии с предметами внешнего мира). Причинами распространения диссипатий в культуре можно назвать растущую *о-материзованность* предметных уровней, подмена одного уровня другим или рассеивание каждого уровня.

Если предположить, что бытие человека предметно определено культурой, то приобщенность только к одному из предметных уровней — это есть одна из характеристик (как было определено ранее) иллюзорного сознания, при этом в жизненной практике каждого отдельного человека и общества в целом процесс перепутывания различных предметных сторон бытия носит спонтанный (но при этом внутренне и внешне определенный) характер. Например, ценности современного либерального общества способствуют смешению понятий продуктивности и репродуктивности, духовного обогащения и фетишизации духа. Нарастание капитала расценивается в качестве весьма полезного общественного шага, поскольку способствует расцвету экономики и процветанию страны. Здесь проявляется еще одна из характеристик иллюзорного сознания, когда общественное выдается за индивидуальное. Отсутствие умения заработать деньги (много денег) рассматривается

в рамках социума как невозможность реализоваться. Концентрация вокруг личности капитала и сопоставление ценности его «Я» с цифровым эквивалентом его благосостояния стимулируется всей системой демократических ценностей, в основе которой особое место занимает идея равенства. Здесь непосредственно вещь и символ (деньги, богатство) замешаются знаком. В частности, идея равенства понимается как обеспечение людей равными условиями для самосовершенствования, для достижения положения в обществе, материального благополучия. Перспектива равных условий импонирует сознанию обывателя: «моя жизнь зависит только от меня», «я сам делаю себя». Общественная же оценка значимости личности имеет форму материального поощрения: если общество воздаст человеку должное, платит ему, следовательно, он имеет перед обществом определенные заслуги. Роль такой идеологии обосновать замену идеи (идеальное) материальным (вещью, деньгами). Деньги, как форма экономического поощрения, превращаются в показатель общественной полезности индивида, его социальной ценности. Равенство и равные условия завоевания этой социальной ценности означает равную для всех возможность достижения социального неравенства.

Еще одним признаком диссипатий в культуре является возрождение спиритуализма, мистицизма. Новый спиритуализм есть одновременно и гордыня и страх. Гордыня «Я» проявляется в выпячивании личностных интересов, но и страх перед другим человеком. Поэтому то и понимание Бога утрачивает свое истинное наполнение, в смысле как сверхприродное понятие истины.

Именно поэтому в современном массовом тезаурусе особое место занимают жанры, представляющие современному человеку уникальную возможность опредмечивания коллективных фобий, чаяний, надежд, ожиданий и изживания их через осмеяние, пародирование, снижение статуса, профанирование или же идентификацию с их персонажами. Преобладающее большинство из этих жанров выступает как совокупный современный миф со всеми его атрибутами и особенностями оформления.

Диссипативные процессы в культуре сопровождаются отрицательной рефлексией, когда в процессе опредмечивания-распредмечивания, предметное воспринимается как враждебное сознанию.

Рефлексия возможно как постоянное сопоставление процессов опредмечивания и распределмечивания, как отличие себя от предметных

уровней. Максимальную степень восхождения сознания от одного предметного уровня к другому представлена как «декомпрессия (разжатие) бытия ничто» (Ж.-П. Сартр), или как «неравенство сознания самому себе (репрезентация через Другого)» (Ж. Делёз).

Сознание рефлексивное противостоит сознанию отражающему (Э. Гуссерль), т.к. отражение нередко есть переход границы, искажение, пограничность.

Диссипативность системы проявляется как переход к «невозможному» с точки зрения наличного состояния. Разрушение структуры системы откликается нюансами абсурда личностного бытия. Если предположить, что бытие человека предметно определено культурой, то приобщенность только к одному из предметных уровней — это есть одна из характеристик (как было определено ранее) иллюзорного сознания, при этом в жизненной практике каждого отдельного человека и общества в целом процесс перепутывания различных предметных сторон бытия носит спонтанный (но при этом внутренне и внешне определенный) характер. Ж.-П. Сартр пишет: «Бытие сознания как сознания означает существование (на расстоянии от себя) в качестве присутствия по отношению к себе, и это недействительное расстояние, которое бытие носит в своем бытии, и есть Ничто»¹⁶. И, наоборот, вследствие неполной индукции понятия и категории принимаются без критического осмысления, но при этом именно предельные знаки принимают форму жизненных основополагающих ориентиров и ценностей.

Пограничное состояние сознания это отрицание бытия через мятеж, абсурд, агрессию. Сознание, утратившее границы, прельщенное вещью, знаком символом, ищет «настоящее бытие» (Ж.-П. Сартр), ищет возможность восхождения (перебора) предметных уровней бытия. По выражению Ж.-П. Сартра, «для-себя-бытие» всегда есть то, что оно не есть, и не есть то, что оно есть¹⁷. Таким образом, основная характеристика «для-себя-бытия» — это отрицание, отстраненность от предметных уровней. Отрицанию дается сущностная, онтологическая характеристика. Сознание, лишенное возможности перебора, различение предметных уровней отрицает самого себя. В иерархии предметных уровней естественным образом преобладает тенденция к уменьшению

элементов с каждым последующим уровнем. Так, знаков меньше чем вещи и неопредельных знаков меньше чем символом. В условиях растяжения поля культуры каждый предметный уровень раскололся на части и тем самым поставил сознание перед выбором, который совершит невозможно. Любой выбор не означает перехода, а лишь представляет движение по кругу, но без рефлексии» (Э. Гуссерль). Современность наполнилась сверхзначимыми событиями, но рассеивание предметных уровней не дает «полноценного времени» осознания (Ж. Бодрийяр). Пограничность сознания это лишь бесплотная попытка выскочить из алгоритма заданного извне. Любая заданность снижает, истончает способность сознания познать самого себя: «Я ненавидит всякое конкретное свое содержание, т.е. всякую свою же жизнь. Я оказывается мертвой пустыней «здесь» и «теперь»»¹⁸.

По мысли П. Флоренского, сознание живет, только если разум *пере-бегает* (дискурсирует) от одного суждения к другому и тем самым первое суждение получает свое обоснование и оправдание во втором¹⁹.

Выходом может быть внешнее определенное нахождение неопредельных знаков (Г. Гегель) или образ отстоящего Другого (А. Камю). Восходящая идентичность с предметными уровнями бытия через точку отстраненности есть способ преодолеть пограничность сознания.

Процесс рефлексии как осознание Ч. Тартом определяется как «целостность, полноценность себя». Учитывание предметных уровней бытия через точку отстраненности от каждой формы предметности является условием самосознания. С.Л. Франк пишет: «...предметное сознание по общему правилу всегда сопровождается самосознанием»²⁰.

Сознание рефлексивное сознает предметные уровни, восходя от телесности, к знаковости, символичности и неопредельности («Ничтожности»).

Следовательно, рефлексия сознания невозможна без целостного рассмотрения этой структурности, иначе это грозит односторонностью рефлексии. Рефлексия сознания в данном случае должна, прежде всего, опереться на твердое разграничение в сознании предметных уровней учитывания тенденций, которые присущи культурным процессам.

¹⁶ Sartre J.P. Selected works / Ed. with fr. V.P. Gaydamak, introd. Art. S.N. Zenkin. M.: Republic, 1994. 790 p.

¹⁷ Sartre J.P. Selected works / Ed. with fr. V.P. Gaydamak, introd. Art. S.N. Zenkin. M.: Republic, 1994. P. 91.

¹⁸ Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. М., 2000. С. 77.

¹⁹ Флоренский П.А. Христианство и культура. М., 2001.

²⁰ Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. М., 2000. С. 14.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс: Харьков: Фолио, 1997. 624 с.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Перевод Л. Любарской, Е. Марковской. М.: Добросвет, 2000. 778 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук // Гегель Г.В.Ф. Собрание соч. в 6-ти т. Т. 3: Философия духа. М.: Мысль, 1977. 472 с.
4. Гуссерль Э. Феноменология. // Логос. 1992. № 1. С. 67-98.
5. Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без Другого. СПб, 1999. 82 с.
6. Ионеску Э. Злоупотребление языком // Фигаро, 31 августа — 1 сентября 1976 г. С. 6-12.
7. Камю А. Сочинения / Перевод Н. Немчиновой. М.: Прометей, 1989. 568 с.
8. Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М.: Гнозис/Логос, 1998. 430 с.
9. Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6. С. 14-25.
10. Платон. Диалоги // Платон. Сочинения в 4 х тт. М., 1986. 607 с.
11. Платонов А.П. Чевенгур. М., 1997. 340 с.
12. Раен А.А. Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох — типы пограничного сознания. В 2-х частях. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 348 с.
13. Салецл Р. (Из)вращения любви и ненависти / Пер. с англ. Виктор Мазин. М.: Художественный журнал, 1999. 211 с.
14. Флоренский П.А. Христианство и культура / Вступ. ст. и примеч. А.С. Филоненко; Худож. офор. Б.Ф. Бублик. М.: АСТ, 2001. 672 с.
15. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. М.: АСТ, 2000. 990 с.
16. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989. 322 с.
17. Charles Tart systems approach to consciousness: Paths beyond ego. N.Y., 1996. 554 p.
18. Sartre J.P. Selected works / Ed. with fr. V.P. Gaydamak, introd. Art. S.N. Zenkin. M.: Republic, 1994. 790 p.

References (transliteration):

1. Berdyaev N.A. Samopoznanie // Berdyaev N.A. Sochineniya. M.: EKSMO-Press: Khar'kov: Folio, 1997. 624 s.
2. Bodriyyar Zh. Prozrachnost' zla / Perevod L. Lyubarskoy, E. Markovskoy. M.: Dobrosvet, 2000. 778 s.
3. Gegel' G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk // Gegel' G.V.F. Sobranie soch. v 6-ti t. T. 3: Filosofiya dukha. M.: Mysl', 1977. 472 s.
4. Gusserl' E. Fenomenologiya // Logos. 1992. № 1. S. 67-98.
5. Delez Zh. Mishel' Turn'e i mir bez Drugogo. SPb, 1999. 82 s.
6. Ionesku E. Zloupotreblenie yazykom // Figaro, 31 avgusta — 1 sentyabrya 1976 g. S. 6-12.
7. Kamyu A. Sochineniya / Perevod N. Nemchinovoy. M.: Prometey, 1989. 568 s.
8. Lakan Zh. Seminary. Kniga 1: Raboty Freyda po tekhnike psikhoanaliza (1953/54). M.: Gnozis/Logos, 1998. 430 s.
9. Mamardashvili M.K. Analiz soznaniya v rabotakh Marksa // Voprosy filosofii. 1968. № 6. S. 14-25.
10. Platon. Dialogi // Platon. Sochineniya v 4 kh t. M., 1986. 607 s.
11. Platonov A.P. Chevengur. M., 1997. 340 s.
12. Raen A.A. Kanuny i rubezhi. Tipy pogranychykh epokh tipy pogranychno go soznaniya. V 2-kh chastyakh. M.: IMLI RAN, 2002. 348 s.
13. Saletsl R. (Iz)vrashcheniya lyubvi i nenavisti / Per. s angl. Viktor Mazin. M.: Khudozhestvennyy zhurnal, 1999. 211 s.
14. Florenskiy P.A. Khristianstvo i kul'tura / Vstup. st. i primech. A.S. Filonenko; Khudozh. ofor. B.F. Bublik. M.: AST, 2001. 672 s.
15. Frank S.L. Predmet znaniya. Dusha cheloveka. M.: AST, 2000. 990 s.
16. Freyd Z. Budushchee odnoy illyuzii // Sumerki bogov. M., 1989. 322 s.
17. Charles Tart systems approach to consciousness: Paths beyond ego. N.Y., 1996. 554 p.
18. Sartre J.P. Selected works / Ed. with fr. V.P. Gaydamak, introd. Art. S.N. Zenkin. M.: Republic, 1994. 790 p.